

СССР И УРЕГУЛИРОВАНИЕ ЧЕХОСЛОВАЦКО-ВЕНГЕРСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ И РЕАЛИЗАЦИИ ЕЕ РЕШЕНИЙ (июль 1946 г. — октябрь 1948 г.)*

Чехословацко-венгерские противоречия, которые были рассмотрены на Парижской мирной конференции 1946 г. и III сессии Совета министров иностранных дел, локализовались в трех проблемах. Чехословакия стремилась: 1) расширить свою территорию в районе Братиславского предместья за счет пяти венгерских деревень; 2) добиться дополнительного переселения в Венгрию еще 200 тыс. словацких венгров; 3) максимально учесть свои интересы в тексте мирного договора с Венгрией. В результате Чехословакия получила три венгерские деревни; ее претензии на дополнительное выселение 200 тыс. венгров были отклонены; ее интересы в мирном договоре с Венгрией, который был подписан 10 февраля 1947 г., в значительной мере учтены. В последующий период и Чехословакия, и Венгрия возлагали надежды на советское участие в урегулировании проблем Южной Словакии. Однако к 1948 г. советская позиция трансформировалась. Если раньше Москва отдавала предпочтение выселению словацких венгров, то сейчас начала квалифицировать притеснение венгерского меньшинства в Словакии как проявление буржуазного национализма. Ставшая универсальной модель социализма по-советски требовала сплоченности внутри Восточного блока.

Czechoslovak-Hungarian contradictions, which were considered at the Paris Peace Conference 1946 and the III session of the Council of Ministers of Foreign Affairs contained three issues. Czechoslovakia sought 1) to expand its territory in the area of Bratislava bridge-head by five Hungarian villages; 2) obtain additional relocation to Hungary 200 thousand Slovak Hungarians; 3) to take into account their interests in the text of the peace treaty with Hungary to the maximum extent. As a result of Czechoslovakia gained three Hungarian villages; its claim for an additional 200 thousand eviction Hungarians were rejected; its interests in the peace treaty with Hungary, which was signed 10 February 1947 were largely counted. Subsequently both Czechoslovakia and Hungary pinned their hopes on the Soviet role in the resolution of problems in South Slovakia. However, by 1948 the Soviet position transformed. If earlier Moscow recommended the measures directed to the seduction of the Slovakian Hungarians, later the Kremlin started to qualify the oppression of the Hungarian minority in Slovakia as a manifestation of bourgeois nationalism. The «universal» model of socialism promoted by the Soviets now demanded the cohesion within the Eastern bloc.

Ключевые слова: словацко-венгерский конфликт; венгерское меньшинство в Словакии; Парижская мирная конференция 1946 г.; Братиславское предместье; мирный договор с Венгрией 1947 г.

Keywords: Slovak-Hungarian conflict; the Hungarian minority in Slovakia; Paris Peace Conference 1946; the Bratislava bridgehead; the peace treaty with Hungary 1947.

На Парижской мирной конференции 1946 г. вопреки продекларированным этническим принципам в состав Чехословакии (ЧСР) были включены земли с почти миллионным венгерским населением, которое компактно проживало в Южной Словакии и Подкарпатской Руси. После Мюнхенской конференции (29 сентября 1938 г.) Будапешт предъявил Праге ультиматум о передаче Венгрии без переговоров районов с преобладающим мадьярским

* Подготовлено при поддержке Посольства Словацкой Республики в Республике Беларусь.

населением. В условиях политического кризиса в Чехословакии и появления автономий в Словакии и Подкарпатской Руси события все же привели к двусторонним переговорам. Они состоялись 9—13 октября 1938 г. в Комарно, но, несмотря на ряд словацких уступок, закончились провалом. Следующим этапом решения проблемы стал Венский третейский суд 2 ноября 1938 г. Его решением Венгрии передавались 10,3 тыс. км кв. словацкой территории с населением численностью более 850 тыс. чел., 59 % которого составляли венгры. Новая венгеро-словацкая граница де-факто Москвой была признана. На фоне усилий ЧСР и Венгрии по демаркации новой границы, а также защите словацкого и венгерского меньшинств неконтролируемо развивались два встречных миграционных потока. Преобладающим из них был поток беженцев и переселенцев в Словакию с арбитражной территории, отошедшей к Венгрии. В результате острейшего политического кризиса середины марта 1939 г. Словакия провозгласила независимость, Германия оккупировала «Вторую республику», Венгрия же оккупировала словацкую Карпатскую Украину [1].

Германо-словацкий Охранный договор (18—23 марта 1939 г.) и словацко-венгерская война (23—26 марта 1939 г.) привели к оккупации Германией обширной зоны в Западной Словакии и очередной аннексии Венгрией части Восточной Словакии (Собранецкий округ). Германия получила возможность манипулировать и Братиславой, и Будапештом, регулируя их ревизионистские устремления друг против друга. В условиях начавшейся Второй мировой войны Берлин сделал спор между Словакией и Венгрией объектом политического торга, что стало одной из причин присоединения данных стран к Тройственному пакту. После Сталинградской битвы и Венгрия, и Словакия начали искать пути выхода из войны на стороне Германии и способы решения взаимных территориальных претензий. Однако в октябре 1944 г. обе страны были оккупированы Германией, что лишило их возможности бороться за реализацию ревизионистских программ. С началом Второй мировой войны проблема возврата утраченных Словакией в пользу Венгрии территорий перешла в плоскость отношений чехословацкого эмигрантского правительства с западными странами. Э. Бенеш сформулировал принципы континуитета чехословацкого государства, непризнания решений Мюнхена и Первого Венского арбитража. Из этого вытекала реставрация предвоенной территории Чехословакии и идея трансфера населения. Причем Бенеш начал связывать проблему границ с возможностью выселения из ЧСР национальных меньшинств. Венцом идеи восстановления Чехословакии в ее старых границах стал советско-чехословацкий договор 12 декабря 1943 г. и устные договоренности с И. В. Сталиным о возможности выселения немцев и венгров. С осени 1944 г. начали реализовываться постановления Словацкого национального совета, предусматривавшие дискриминационные и репрессивные меры по отношению к венграм. Важнейшим результатом визита Э. Бенеша в Москву в марте 1945 г. стало согласие советского руководства на трансфер из ЧСР немецкого и венгерского населения [2].

События мая — сентября 1945 г., связанные с антивенгерскими акциями в Словакии, потсдамскими решениями и подготовкой к I сессии СМВД, свидетельствовали о том, что Чехословакии не удалось явочным образом реализовать свои намерения полностью избавиться от венгерского меньшинства с использованием репрессивных методов. В качестве основного способа решения проблемы стал вырисовываться обмен населением, однако вовсе не такого масштаба, как предполагала Прага, преувеличивавшая численность словаков в Венгрии. Фактом было примерно пятикратное превосходство численности словацких венгров над венгерскими словаками. Переговоры проходили в два этапа в Праге. На первом этапе 3—6 декабря 1945 г. чехословацкая сторона исходила из равного обмена населением — добровольного трансфера словаков из Венгрии и вынужденного трансфера такого же количества венгров из Словакии. Оставшиеся после обмена венгры должны были получить права в самой Словакии. Венгрия выказывала готовность принять и их, но лишь вместе с территорией, на которой они живут. Переговоры зашли в тупик. В ходе выработки принципов мирно-

го урегулирования союзники согласились с мнением Москвы о восстановлении венгеро-чехословацкой границы, существовавшей до Венского арбитража. На втором этапе переговоров 6—10 февраля 1946 г. ЧСР отклонила пакет венгерских предложений, где шла речь о совместных комиссиях для подбора переселенцев и участия в процедуре обмена представителей союзных держав. Будапешт в итоге согласился с отбором вынужденных переселенцев из Словакии местными органами власти. В результате 27 февраля 1946 г. в Будапеште было подписано венгеро-чехословацкое соглашение о равноценном обмене населением, которое вводило известные правовые нормы вместо произвольной депортации. Однако на деле проблема венгерского меньшинства в ЧСР оставалась нерешенной. В первой половине 1946 г. шло согласование текста мирного договора с Венгрией. На этом фоне Прага потребовала от Будапешта дополнительного (сверх квоты по договору о переселении) принятия еще 200 тыс. словацких мадьяр. Венгрия готова была принять и их, но только «вместе с землей», на которой они проживали, что в ЧСР квалифицировали как попытку изменения ее границ. Стремление венгерской дипломатии получить поддержку или хотя бы понимание у советской стороны не принесло ожидаемых результатов. Однако обещания и недомолвки Москвы сохраняли у Будапешта некоторые иллюзии. Они рассеялись по результатам визита в СССР чехословацкой делегации как раз накануне открытия Парижской мирной конференции (ПМК) — Москва полностью поддержала планы ЧСР по выселению всех венгров из Словакии [3].

Венгерско-словацкий конфликт в формате Парижской мирной конференции (июль — октябрь 1946 г.). Сразу после начала Парижской мирной конференции (29 июля — 15 октября 1946 г.) венгерский посланник в Москве Дьюла Секфью 31 июля составил доклад о первоначальных планах Чехословакии на конференции и советской точке зрения на ее требования [4, 96—98. old.]. 1 августа венгерский посланник в Париже Пал Ауэр, который координировал подготовку Венгрии к мирной конференции, передал в американское посольство пожелание своего правительства, чтобы США поддержали идею пересмотра венгерско-чехословацкой границы и выступили посредником билатеральных переговоров двух стран [5, s. 265, 266].

Такой вектор активности не был случайным — в начале августа министр иностранных дел СССР В. М. Молотов публично, в выступлении по советскому радио, выразил вполне ожидаемую Прагой поддержку намерения Чехословакии выселить в Венгрию своих мадьяр [5, s. 256]. Это усилило нетерпимость чехословацкой стороны и прибавило ей решимости. Министр иностранных дел ЧСР (с 5 апреля 1945 г. по 10 марта 1948 г.) Ян Масарик не мог скрыть раздражения в адрес немецкого меньшинства в Богемии и венгерского в Словакии. Выступая на пленарном заседании ПМК 2 августа, он заявил, задавая тональность всей работе своей делегации: «Нам давно надоели интриги, связанные с меньшинствами» [6, л. 129].

Судьбы мадьярского меньшинства в ЧСР и защита его прав были одной из главных забот и венгерской делегации, распространившей проект меморандума для ПМК. Заведующий отделом балканских стран НКВД А. А. Лаврищев направил первому заместителю министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому письмо с оценкой этого проекта, который «по содержанию не отличается от венгерских меморандумов, врученных СМИДу в июне». Лаврищев особо выделил предложения о предоставлении словацким мадьярам прав национального меньшинства, либо передачи части территории ЧСР с этим населением в руки Венгрии, либо проведения плебисцита в районе проживания венгров в Чехословакии [7, л. 1, 2].

Глава венгерской делегации на ПМК министр иностранных дел Венгрии (с 22 декабря 1944 г. по 31 мая 1947 г.) Янош Дьёндёши прибыл на конференцию 8 августа и оставался в Париже до завершения ее работы. В выступлении на пленарном заседании конференции 14 августа Дьёндёши привел развернутую и весьма эмоциональную картину преследования мадьяр в Чехословакии — изгнание с конфискацией имущества, лишение всех гражданских и социальных прав, тотальный запрет на использование венгерского языка во всех сферах, ликвидация системы образования на родном языке. Он подчеркнул, что Будапешт позволил

чехословацкой миссии в составе 700 человек в течение шести недель проводить беспримерную пропагандистскую кампанию среди венгерских словаков с использованием венгерского радио, прессы, наглядной агитации и массовых собраний. В результате количество венгерских словаков, согласившихся на переезд в ЧСР, составило только 1/8 общей численности словацких мадяров, от которых Прага вознамерилась полностью избавиться репрессивными методами. Дьёндёши доказывал, что венгерское меньшинство не сыграло, в отличие от судетских немцев, значительной роли в раздроблении Чехословацкого государства в 1938 г. Более того, именно словацкие венгры открыто высказывались против введения фашистского режима в Словакии в 1939 г. В заключение, защищая права своих соотечественников в ЧСР, он заявил: «Земля и тот народ, который обрабатывал ее в течение веков, неразрывно связаны друг с другом... Если Чехословакия хочет сохранить за собой территорию, где проживают венгры, то пусть она сохранит также и венгров и пусть предоставит им всю полноту прав человека и гражданина». Дьёндёши просил ПМК послать в Словакию международную комиссию экспертов для необходимого расследования на месте [8, л. 140—145].

Министр иностранных дел Белорусской ССР К. В. Киселев, выступая 15 августа, отреагировал на речь Я. Дьёндёши, отметив, что конференция «не должна руководствоваться чувством мести к венгерскому народу». Глава белорусской делегации поддержал идею выселения венгров из ЧСР, напомнив, что «часть венгерского населения, проживающая в некоторых районах Чехословакии, создавала в прошлом всем известные затруднения...», которые были использованы Германией для отторжения территории в пользу Венгрии по решению Первого Венского арбитража. Поэтому было бы целесообразным «устранить в будущем причины возникновения ненормальностей» в отношениях двух стран [9, л. 100—102].

20 августа 1946 г. В. М. Молотов принял Я. Дьёндёши в Париже в связи с подготовкой проекта мирного договора с Венгрией. неизбежно речь зашла о дополнительном трансфере 200 тыс. венгров из ЧСР, но диалог, что называется, не заладился. Молотов говорил, что Москве «было трудно отказать чехам в этой просьбе», — Дьёндёши утверждал, что это «не внутренний вопрос чехословацкого государства, а международный вопрос, вопрос человеческих прав». Молотов переводил разговор на результаты соглашения об обмене населением — Дьёндёши сообщал о выдуманной в Праге цифре в 300 тыс. словаков в Венгрии, в то время как их насчитывалось только 103 тыс. (по переписям 1930 и 1940 гг.), и половина из них не желает переселяться в ЧСР. Молотов изрекал туманную фразу «нужно как-то решить вопрос о венгерском меньшинстве в Чехословакии» — Дьёндёши предлагал не возлагать тяготы решения этого вопроса только на Будапешт и упоминал о возможности передачи территории. Молотов отделивался отговоркой «это очень сложная проблема» — Дьёндёши предостерегал, что, освободившись от 200 тыс. своих венгров, ЧСР может «оказаться перед лицом враждебно настроенного 9-миллионного населения Венгрии». Молотов заявлял, что «чехи испытывают беспокойство по поводу будущего», — Дьёндёши уточнял, что «беспокоятся не чехи, а словаки» [10, с. 515—517]. Слабая и неподготовленная попытка Молотова выступить с посреднической миссией не удалась. Сразу после этой бесплодной беседы венгерская делегация представила Замечания к проекту мирного договора с Венгрией, где большое место уделялось проблеме «восстановления этнических и юридических прав» 650-тысячного венгерского населения в Чехословакии [11, л. 4].

ПМК создала свой рабочий орган — Территориальную и политическую комиссию для Венгрии (Комиссия по Венгрии), и 28 августа 1946 г. началось обсуждение территориальных вопросов. Границы Венгрии с Австрией, Югославией и СССР были приняты без обсуждения. Далее ЧСР предложила передать ей пять венгерских деревень на правом берегу Дуная у южной окраины Братиславы. Венгерская делегация, не комментируя эту претензию, указала на аннулирование результатов Первого Венского арбитража и восстановление границы 1938 г., включавшей эти деревни в состав венгерской территории. Венгрия настаивала на

возвращении чехословацкого гражданства словацким мадьярам и прекращении их дискриминации [5, s. 271, 272]. В тот же день ЧСР озвучила свой известный план выселения дополнительно 200 тыс. мадьяр (сверх квоты по чехословацко-венгерскому соглашению о равноценном обмене населением от 27 февраля 1946 г.). Венгры ответили быстрым отказом разместить их у себя в стране. Одновременно они заявили, что Братислава вовсе не нуждается в расширении своей городской черты за счет территории Венгрии [5, s. 280].

С этого рубежа рассмотрение на ПМК чехословацко-венгерских противоречий пошло в трех параллельных плоскостях, локализовавшихся в трех проблемах: 1) стремление ЧСР расширить район Братиславского предместья за счет пяти венгерских деревень, 2) борьба вокруг планов Чехословакии избавиться от еще 200 тыс. словацких мадьяр, 3) обеспечение интересов ЧСР в тексте мирного договора с Венгрией. Чехословацкая делегация распространила на ПМК два меморандума, а также внесла ряд поправок в проект мирного договора с Венгрией, так или иначе касавшихся содержания этих меморандумов. Данные подходы в полной мере отразили характер и объем претензий Чехословакии, а также ее стремление произвести должное впечатление на участников конференции.

Первая проблема — расширение Братиславского предместья за счет пяти венгерских деревень — отразилась в меморандуме «Об упорядочении венгерских границ». Он тоже начинался с требования: «Чехословацкая республика требует небольших изменений венгерских границ в единственном месте», в котором линия границы по экономическим соображениям ее не удовлетворяет. Это был редкий вариант предъявления территориальных претензий, которые обосновывались не этническими и даже не историческими аргументами, а простыми экономическими потребностями. Они выводились из градообразующих тенденций развития Братиславы, ее порта и ее хинтерланда. Братиславское предместье (д. Петржалка с населением в 1 тыс. человек на правом, южном, берегу Дуная), полученное по Трианону, удовлетворяло потребности полиса с 80-тысячным населением. Однако за 1918—1938 гг. численность населения Братиславы выросла до 140 тыс., а ставшей городом Петржалки — до 16 тыс. человек, при этом товарооборот порта увеличился в 20 раз. Рост Братиславы и расширение портовых сооружений на левом, северном, берегу Дуная были невозможны по геологическим и топографическим особенностям (к востоку — болотистые и подтопляемые почвы, к западу — отроги Малых Карпат). Из этих факторов делался вывод: «природные условия для расширения Братиславы находятся только на южном берегу Дуная». Выдвигались и дополнительные аспекты: запланированный Лабско-Одерско-Дунайский канал, который выйдет к Дунаю у Братиславской пристани как исходного пункта для транзита в ближайший морской порт — Триест; близость границы у окраин Братиславы нарушает безопасность страны; аэропорт у границы не может удовлетворять требованиям дальней авиации; проектируемая Дунайская гидроэлектростанция не вписывается в границы ЧСР [12, л. 3, 4].

На основании всех упомянутых причин в меморандуме указывалось, что «Чехословакия остро нуждается в территории, принадлежащей Венгрии» и включающей пять селений. Это были: Райка (площадь 5517 га, население 2932 человека по переписи 1930 г., из которых 78,0 % немцев, 20,8 % венгров, 0,8 % хорватов), Безень (2994 га, 1381 человек — 14,4 % немцев, 16,2 % венгров, 69,2 % хорватов), Оросвар (2532 га, 1678 человек — 72,2 % немцев, 25,9 % венгров, 0,8 % хорватов), Хорватярфалу (2104 га, 845 человек — 16,4 % немцев, 21,5 % венгров, 59,4 % хорватов), Дуначун (1521 га, 687 человек — 18,3 % немцев, 23,3 % венгров, 58,2 % хорватов). Из приведенной статистики выводилось, что требуемый участок земли с тремя хорватскими и двумя немецкими селами этнически «не является венгерским». Кроме того, доказывалось, что данные села экономически всегда тяготели к Братиславе, входя в ее естественный хинтерланд, так как другие ближайшие городские центры — Шопорнь, Раб, Вена — находились много дальше. Хорватское же население этой области «вне всякого сомнения... приветствовало бы свое присоединение к Братиславе» [12, л. 4—5 об.].

Югославский и украинский делегаты энергично поддержали 6 сентября претензию Праги на пять венгерских деревень [5, s. 281]. Венгерское замечание о том, что эти деревни «никогда не носили словацкого характера и в них проживает всего 15 словаков», осталось неуслышанным [13, л. 6—8]. Тем более что чехословацкая претензия изначально носила экономический, а не этнический характер.

В составе Территориальной и политической комиссии для Венгрии 9 сентября была образована подкомиссия из пяти членов (председатель — представитель УССР) с задачей рассмотреть чехословацкую поправку о получении пяти венгерских деревень к югу от Братиславы. Доводы в пользу ЧСР, приведенные на подкомиссии, повторяли положения ее меморандума «Об упорядочении венгерских границ». Подчеркивалось, что природные условия для расширения Братиславского порта имеются лишь на правом берегу Дуная, хотя местность и тут болотистая, но улучшающаяся в южном, венгерском, направлении [14, л. 112—114].

Венгерские контраргументы сводились к тому, что участок не носит стратегического характера; его передача ЧСР перережет дорогу Будапешт — Вена на 25-километровой протяженности; Братислава не имела ранее тенденции к развитию на правом берегу Дуная [15, л. 32—34]. Особо подчеркивалось, что мадьярское население пяти деревень не может рассматриваться под той же рубрикой, что и 200 тыс. словацких мадьяр, составляющих предмет другой поправки ЧСР, так как они «никогда не являлись гражданами Чехословакии и не могут считаться ответственными за ее развал» [14, л. 117].

В обсуждение проблемы активно вмешался американский делегат Уолтер Беделл-Смит (посол США в СССР с марта 1946 г. по декабрь 1948 г.), который назвал пожелания ЧСР «симпатичными», но вел речь только о трех деревнях [16, л. 70—72]. Поддержав экономическую аргументацию Праги, он посчитал запрашиваемый ею район на стыке венгеро-австрийско-чехословацкой границы слишком обширным и предложил исключить из него селения Райка и Безень [14, л. 34]. Белорусский представитель П. В. Люторович на заседании 23 сентября осудил американскую терминологию о «расширении чехословацкого плацдарма в Венгрии», утверждая, что «уступка по чисто экономическим соображениям пяти или трех деревень» является лишь «незначительным территориальным изменением» [9, л. 212, 213].

Комиссия по Венгрии 30 сентября признала справедливость претензий ЧСР «на исправление границы» [15, л. 37, 38]. 2 октября чехословацкая делегация согласилась на получение трех из пяти, меньших по площади, сел [15, л. 58, 59]. В результате трианонская граница была пересмотрена. Три села на правом берегу Дуная — Оросвар (Русовце), Хорватярфалу (Яновце), Дуначун (Чуново), составлявшие 43 км кв. территории, перешли под чехословацкий суверенитет, расширив площадь Братиславского предместья [17, с. 117].

Вторая проблема — стремление выселить дополнительно 200 тыс. словацких мадьяр — нашла отражение в меморандуме «О трансфере венгерского населения из ЧСР». Этот внушительный по объему документ из девяти разделов открывался фразой «Чехословакия подает на мирную конференцию требование выселения остатка венгерского населения численностью до 200 000 человек». Утверждалось, что все национальные меньшинства «служили орудием для ее раздробления и уничтожения», поэтому ЧСР не может далее терпеть у себя «внутреннего врага, подрывающего ее жизнеспособность», и требует, чтобы ей была «дана возможность избавиться от этих врагов своего государства». Далее на примере Мюнхена и Вены обосновывалась угроза безопасности республики со стороны немецкого и венгерского меньшинств. Особо акцентировалось: между ними «ни что касается целей, ни что касается средств, не было никакой разницы». В документе выводилось положение о том, что «существует не только параллель или аналогия, но даже тождественность опасности, которую создают немецкое и венгерское меньшинства для безопасности Чехословакии, а тем самым и для покоя во всем мире». Главный заряд негативного пафоса был направлен против неблагодарных словацких мадьяр, чьи права в Чехословакии «многократно превышали те права,

которыми венгры пользовались в самой Венгрии», однако настроенных неприязненно, питавших своей активностью ирредентизм Будапешта и игравших в ЧСР роль пятой колонны. Венгрия, отказывавшаяся по экономическим соображениям принять 200 тыс. своих соплеменников, обвинялась в стремлении оставить в Чехословакии «вражески настроенное» меньшинство как возможность сохранения предпосылок для ревизионизма [18, л. 3—5 об.].

Далее давалось подробное обоснование имеющихся у Венгрии возможностей для приема и размещения 200 тыс. переселенцев из ЧСР. Были учтены и уже случившиеся процессы (людские потери Венгрии в ходе войны, катастрофическая демографическая ситуация, уничтожение 300 тыс. евреев), и те, которые Прага советовала Будапешту запустить в действие (осуществить выселение 470 тыс. немцев, добросовестно осуществить земельную реформу). Приводилась подробная чехословацкая трактовка и оценка процесса двусторонних переговоров об обмене населением с итоговым выводом, что Прага, «стремясь разрешить проблему билатерально, исчерпала все возможности». В документе отдавалась дань статистической полемике о численности венгерского и словацкого меньшинств в обеих странах, была изложена организационная концепция переселения мадьяр. Делался ширококешательный вывод: если не ликвидировать проблему мадьярского миноритета в ЧСР, то «будет существовать непрерывно живой ревизионизм», который воспрепятствует хорошим чехословацко-венгерским отношениям, сделает «невозможной консолидацию в Центральной Европе», всегда будет «потенциальной опасностью для мира» [18, л. 6—10].

В. М. Молотовым 7 сентября 1946 г. было получено адресованное ему от имени съезда венгерских епископов письмо (датировано 22 июля) кардинала, принца-примаса Венгрии, Эстергомского архиепископа Йожефа Миндсенти. В послании выражался протест «перед всем культурным миром» против гонений на словацких мадьяр. Иерарх предлагал: «Ввиду того, что Чехословакия не желает предоставить этому блоку венгров человеческих прав — пусть эта территория будет возвращена обратно Венгрии. Таким образом, прекратится несправедливость с одной стороны и страдания с другой стороны, и мир будет водворен в Средней Европе» [18, л. 11]. Заметим, что надежды Венгрии на реализацию национальной идеи связывались с прозападной ориентацией избирателей, голосовавших за Партию мелких сельских хозяев, и с решениями ПМК, а не с католической церковью и фигурой примаса [19, с. 534]. Тем не менее известный непреклонностью убеждений Й. Миндсенти, содержащийся под арестом еще во время нилашистского режима за меморандум протеста главе фашистского правительства Ференцу Салаши по поводу экспроприации церковного имущества на нужды армии, пользовался авторитетом в широких кругах общественности и в известной степени отражал ее настроения [20, с. 39]. Письмо принца-примаса Венгрии получилось кратким, исполненным достоинства, но не возымевшим никакого действия.

В Комиссии по Венгрии 20 сентября 1946 г. произошла перепалка между У. Беделл-Смитом и А. Я. Вышинским. Представитель США назвал неприемлемым проект о выселении дополнительно 200 тыс. мадьяр [5, с. 287]. Вышинский поддержал этот проект, назвав его «корректным» [15, л. 2, 3]. Он признал, что идет «борьба цифр и статданных», а также эскалация взаимных обвинений в фальсификации. Однако приписал Венгрии наличие планов отторжения части чехословацкой земли, а венгерскому населению ЧСР ревизионистские тенденции, поэтому, на его взгляд, «Чехословакия права в своей настойчивости». По заявлению Вышинского, «одно из возможных решений национальной проблемы в условиях столкновения национальных интересов — это освободить одну страну от лиц национальностей другой страны, и этих лиц устроить хорошо у себя дома, на родине» [14, л. 106—108].

Третья проблема — стремление ЧСР обеспечить свои интересы в тексте мирного договора с Венгрией — тесно переплеталась с проблемой дополнительного трансфера 200 тыс. венгров. Чехословацкая делегация предложила включить в ст. 4 проекта договора абзац о необходимости обязать Будапешт распустить организации, открыто или тайно поддерживающие венгер-

ский ревизионизм и враждебное отношение к ЧСР. Это было решительно поддержано 16 сентября белорусским делегатом П. В. Люторовичем в Комиссии по Венгрии [9, л. 177, 178].

Чехословацкая делегация внесла поправку в проект договора с Венгрией, предложив включить в него новую статью — именно о переселении 200 тыс. венгров [21, л. 6—8]. Дискуссия в Комиссии по Венгрии 23 сентября возобновилась — поправку поддержали делегаты БССР, УССР и Югославии. В частности, П. В. Люторович назвал венгерское меньшинство «питательной средой для разного рода ревизионистских устремлений»; обосновывал включение новой статьи безрезультативностью имевших место ранее двусторонних переговоров; выразил уверенность, что Прага будет «осуществлять переселение самым гуманным способом»; включился в рассуждения А. Я. Вышинского о необходимости полного выселения немцев из Венгрии с целью принятия на родину 200 тыс. «собратьев-венгров, не оставляя их пасынками на чужбине» [9, л. 204, 206, 208]. Люторович отметил, что БССР имеет опыт обмена населением на основе соглашения 1944 г. с Польшей. При этом главное стремление было направлено не на то, чтобы «как можно меньше к нам приехало из Польши братьев-белорусов, а наоборот, чтобы как можно меньше их осталось в Польше» [9, л. 210, 211].

Однако английский представитель Самуэль Худ резко осудил план ЧСР и предложил начать прямые чехословацко-венгерские переговоры [5, s. 287]. Тем самым усилиями делегаций США и Великобритании инициатива Праги о дополнительном переселении 200 тыс. словацких венгров была фактически отклонена.

Из-за непреклонности конфликтующих сторон и отсутствия общих подходов у великих держав западные делегации разработали свои компромиссные формулы урегулирования, неофициально предложив их Чехословакии и Венгрии. По британскому проекту в случае, если ЧСР будет продолжать выселение мадьяр, она должна уступить Венгрии 1130 км кв. с 80 тыс. преимущественно венгерских жителей в двух пограничных районах. Первый — к югу от линии Филяково (город на р. Белина) — Римавска Собота (город в долине р. Римавы) на южных предгорьях Словацкого Рудогорья. Второй — часть субрегиона Медзибодрожие (венг. Бодрогкёз) в юго-восточном углу Словакии между реками Бодрог и Тиса (южнее города Чиерна-над-Тисой). Американский проект предусматривал принятие Венгрией всех словацких мадьяр, 2/3 из которых были бы выселены без территории, а 1/3 — с землей, на которой они проживают (без конкретизации района) [5, s. 288].

Венгерская сторона мыслила шире и размашистей. Проект ее экспертной комиссии предполагал на основе этнического принципа присоединение к Венгрии 4 тыс. км кв. южно-словацкой территории более чем с 200 тыс. жителей. Венгрия же в ответ передала бы ЧСР 900 км кв. с 50 тыс. человек населения [5, s. 288, 289]. В результате венгерское правительство (включая министров-коммунистов) выработало подход, по которому Венгрия соглашалась принять в два раза больше словацких мадьяр, нежели их будет на территории, которую ЧСР уступит Венгрии, что фактически соответствовало американской формуле. В рамках этого подхода предполагалось, что Чехословакия может уступить от 3 до 4 тыс. км кв. территории с 300 тыс. мадьярского населения. Окончательная позиция правительства была сформулирована премьер-министром (с 4 февраля 1946 г. по 31 мая 1947 г.) Ференцем Надем — если ЧСР передаст Венгрии 300 тыс. словацких мадьяр с их территорией, то Будапешт согласен принять «всех остальных мадьяр, которые не считают себя словаками». Тем самым кабинет Нада скорректировал американскую формулу с пропорции 2 : 1 на пропорцию 1 : 1 [5, s. 289].

На завершающем этапе противостояния Чехословакии и Венгрии на ПМК, локализовавшегося в дискуссии их министров иностранных дел, определилась слабость позиций Венгрии. Это выражалось отнюдь не в содержательной стороне ее предложений, а в отсутствии у нее надежных ходатаев и главное — в последовательной прочехословацкой позиции СССР.

Я. Дьёндьёши 29 сентября предпринял последнее усилие, заявив, что Венгрия согласится с обменом населения только при обмене территориями. Ответ Я. Масарика гласил, что это

контрпредложение Будапешта не представляет для ЧСР никакого интереса. На заседании Комиссии по Венгрии 2 октября 1946 г. он внес предложение о режиме двусторонних переговоров об обмене населением [5, s. 290—292]. Было решено, что в случае, если две страны не достигнут компромисса, ЧСР будет иметь право обратиться в СМВД за окончательным вердиктом. Измотанная венгерская делегация 3 октября приняла это предложение, а 5 октября Комиссия по Венгрии прекратила свою работу [22, s. 61—66].

Последний раз вопрос о 200 тыс. словацких мадьяр был поднят на пленарном заседании ПМК 12 октября 1946 г. ЧСР вместо первоначального требования, позволявшего ей насильственное переселение 200 тыс. мадьяр в Венгрию, выдвинула новое предложение о двусторонних переговорах с Будапештом о судьбе национальных меньшинств [23, л. 215, 216]. Однако и в этих условиях госсекретарь чехословацкого МИД (заместитель министра с апреля 1945 г. по февраль 1948 г.) Владимир Клементис утверждал, что все оставшиеся в Словакии венгры будут источником ревизионизма и ирредентизма [24, s. 214]. Выступивший вслед за этим заместитель министра иностранных дел Ф. Т. Гусев заявил, что СССР поддерживал как первоначальное предложение ЧСР, так и ее новое предложение [23, л. 250, 251].

На этом фоне продолжались драматические попытки начать реальную реализацию соглашения об обмене населением от 27 февраля 1946 г., что сопровождалось взаимными обвинениями. Так, Венгрия направила меморандум от 27 мая 1946 г. из четырех тематических блоков о нарушениях Прагой ряда положений договора. В июле на заседании президиума Корпуса уполномоченных Словакии была принята подробная инструкция о конфискации земли у мадьяр. Ответом стал еще более подробный протестный меморандум венгерского уполномоченного в Праге [25, dok. č. 3, 4, s. 584—589; dok. č. 6, s. 594—599]. Возникли противоположные оценки и примеры едва начинавшегося процесса. МИД ЧСР направил в советское посольство в Праге ноту от 31 августа 1946 г. (получена в Москве 17 сентября) о том, что венгерские власти побуждают своих словаков, подавших заявку на переселение в ЧСР, взять ее обратно [26, л. 79]. Однако 18 августа в городе Бекешчаба на юго-востоке Венгрии прошел митинг венгерских словаков, которые выступили против обязательного переселения в Словакию и выражали готовность жить в согласии с венграми [27, s. 299].

После завершения ПМК в Париже возобновились чехословацко-венгерские переговоры об обмене населением. Руководили делегациями Зденек Прохазка и Пал Шебештьен. На основе п. 10 соглашения об обмене была создана двусторонняя Смешанная комиссия. Чехословацким представителем в ней стал коммунист с весьма радикальными взглядами Даниэл Окали, одновременно являвшийся и председателем чехословацкой переселенческой комиссии в Будапеште. К концу августа были подготовлены списки словацких венгров для переселения и создана вся организационная инфраструктура, однако недостаточный учет экономических интересов переселенцев вызывал протесты и апелляции мадьяр [28, s. 52—54].

В ЧСР 13 сентября 1946 г. был принят закон «О предоставлении гражданства лицам чешской и словацкой национальности, переселившимся из Венгрии», предусматривавший для них ряд льгот. Положения закона стали объектом внимания сотрудников советского посольства [26, л. 77]. Вместе с тем Будапешт справедливо указывал на наличие у венгерских словаков гораздо больших имущественных прав и возможностей по сравнению со словацкими мадьярами, что было сдерживающим фактором для переселения последних. Кроме того, стало очевидным, что Прага путем переселения стремилась парцеллировать наиболее крупные и компактные районы проживания венгров в Словакии [27, s. 274—276].

В сентябре — октябре 1946 г. обе стороны в формате продолжавшихся переговоров обменялись рядом значимых документов. 17 сентября Я. Дьёндёши сообщил В. Клементису о практической неготовности Венгрии осуществлять обмен населением. Последний в своем ответе от 24 сентября заявил, что Прага при такой позиции Будапешта сочтет себя вправе начать переселение в одностороннем порядке. Венгерская сторона отреагировала 2 октября

выставлением четырех условий, в случае реализации которых она все же сможет начать переселение. Однако их выполнение было невозможным в короткие сроки. 13 октября Д. Окали информировал В. Клементиса о предложении председателя Корпуса уполномоченных Словакии (с августа 1946 г. по май 1950 г.) Густава Гусака о переселении словацких мажар в Судеты, что должно было вынудить Будапешт начать исполнение договора об обмене населением. Это предложение нашло поддержку у генерального секретаря КП Чехословакии, одного из руководителей Словацкого национального восстания Рудольфа Сланского и министра сельского хозяйства (с апреля 1945 г. по сентябрь 1951 г.) коммуниста Юлиуса Дюриша, выдвигавших еще более радикальные подходы. На следующий день после письма Окали от 21 октября, носившего почти ультимативный характер, в Будапеште созвали правительственное совещание. На нем пришли к выводу о необходимости сдвинуть процесс с мертвой точки и начать переселение, но и это не привело к быстрым практическим шагам [28, s. 58—63].

ЧСР не ограничивалась двусторонним форматом процесса, но апеллировала и к его внешнеполитическим проявлениям. Осенью 1946 г. был разработан документ «Международные аспекты решения венгерской проблемы» (не датирован), в котором выдвигались два принципиальных подхода: обеспечить принуждение Венгрии к реализации договора об обмене населением, а также начать переговоры с Будапештом по проблеме этнических венгров в Словакии на основе решений ПМК. Документ завершался рекомендацией начать параллельно с этим депортацию словацких мажар в западные чешские районы [25, dok. č. 2, s. 582, 583]. Однако для Праги вскоре стало неожиданностью изменение одобрительной для нее политики Великобритании и США, а затем и трансформация советской позиции.

Таким образом, на Парижской мирной конференции Чехословакия добилась изменения границы с Венгрией в районе Братиславского предместья и расширения этого плацдарма. Однако попытки Праги обеспечить решение о выселении 200 тыс. словацких мажар были отвергнуты вначале делегацией Великобритании, затем США. С тем, что венгерский миноритет остается в ЧСР, в конечном счете согласилась и советская делегация. Венгрия была недовольна решениями ПМК и считала их повторением Трианона, в чем была недалека от истины. Активизировавшаяся ко времени завершения конференции борьба вокруг реализации венгерско-чехословацкого соглашения об обмене населением обострила отношения между Будапештом и Прагой и пока оставляла неясной судьбу самого соглашения.

Венгерско-словацкий конфликт на этапе международно-правового урегулирования: III сессия СМИД и подписание мирного договора с Венгрией (ноябрь 1946 г. — февраль 1947 г.). Проблемы, связанные с мирным урегулированием с Венгрией и венгеро-чехословацкими отношениями, оказались столь сложными и конфликтными, что ни на II сессии СМИД в Париже, ни на самой Парижской мирной конференции не удалось полностью разработать текст мирного договора с Венгрией. После окончания ПМК Совету министров иностранных дел было поручено доработать и окончательно оформить содержание мирного договора, урегулировав все оставшиеся противоречия. Этому наряду с завершением работы над мирными договорами с другими сателлитами фашистской Германии была посвящена III сессия СМИД (4 ноября — 12 декабря 1946 г.), проходившая в Нью-Йорке в отеле «Уолдорф-Астория».

Наиболее очевидным противоречием оставалась проблема реализации соглашения об обмене населением от 27 февраля 1946 г., уже восемь месяцев вызывавшая ожесточенную пикировку сторон. Новый этап в развитии интриги был связан с двумя чехословацкими нотами — от 26 октября 1946 г., подписанной чехословацким представителем в СКК для Венгрии (с февраля 1946 г. по март 1947 г.) генералом Ф. Дастихом (резкость формулировок и угрожающий тон документа позволяли предположить, что нота во многом была делом рук Д. Окали), а также от 4 ноября 1946 г., подписанной В. Клементисом и тоже весьма жесткой. Ответная венгерская нота от 20 ноября 1946 г. не содержала прорывных предложений [27, s. 284, 285; 28, s. 64—66]. При этом венгерская сторона вновь начала апеллировать к предста-

вителям великих держав. 3 декабря 1946 г. Я. Дьёндёши обратился к американскому послу в Будапеште, интригуя его утверждением, что ситуация в Южной Словакии может спровоцировать волнения и чуть ли не восстание местных мадьяр. Сразу после этого он встретился и с советским посланником (с октября 1945 г. по июнь 1949 г.) Г. М. Пушкиным [5, s. 303].

В. Клементис, принимая 13 января 1947 г. венгерского посла в Праге Ф. Рошть-Форгача, уяснил, что работа Смешанной комиссии не приводит ни к чему конкретному. Тогда же Ф. Дастих сообщил Клементису, что на венгерскую позицию оказывают существенное влияние обстоятельства внутреннего кризиса, а также авторитетное мнение Г. М. Пушкина [28, s. 70, 73]. Прага продолжала шантажировать Будапешт принудительной мобилизацией словацких мадьяр для работ в чешских районах. Еще в конце ноября 1946 г. в один из наиболее западных городов Чехии — Пльзень прибыл первый транспорт со словацкими мадьярами. Однако реализация этой акции в зимний период выявила много сложностей. В письме министерства сельского хозяйства сопредседателю Словацкого национального совета (СНС) Йозефу Леттриху от 17 января 1947 г. перечислялись трудности «при наборе трудовых ресурсов из южного пограничья Словакии» [25, dok. č. 7, s. 599—605; dok. č. 15, s. 619—621].

В январе 1947 г. свой голос протеста подняли и католические круги Венгрии и Словакии. Принц-примас Венгрии Й. Миндсенти направил радиogramмы папе римскому Пию XII, королю Великобритании Георгу VI и президенту США Г. Трумэну с призывом о помощи. Иерарх указывал на «немилосердное и ужасное преследование почти 625 000 венгров... Чехословакией». Он призвал своих адресатов выразить протест против «вопиющих мучений и насильственных депортаций словацких мадьяр, что является вызовом вечным Божиим законам и гуманности» [17, с. 113, 114]. Подобная смелая позиция иерарха вызвала глубокое раздражение венгерских коммунистических властей. Год спустя, 19 февраля 1948 г., оно прорвалось агрессивной тирадой М. Ракоши, зафиксированной в его беседе с секретарем ЦК ВКП (б) М. А. Сусловым: если католическая церковь и кардинал Миндсенти «начнут вести войну против нас, мы найдем хороших психиатров, которые признают Миндсенти сумасшедшим» [10, док. 259, с. 761, 762]. Викарий Рожнявского капитула просил приостановить переселение мадьяр в чешские районы в зимние месяцы. Трнавский епископ вообще выступил против их принудительной трудовой мобилизации [25, dok. č. 8, 9, s. 605—610].

В поисках выхода из возникшего тупика Я. Дьёндёши 25—26 января 1947 г. совершил неафишировавшуюся поездку в Братиславу для встречи с В. Клементисом с целью остановить депортацию мадьяр в Судеты и вернуть их в Словакию. Последний допускал это, но лишь при условии начала обмена населением. Клементис был неискренен, так как уже 28 января на заседании правительства ЧСР было решено интенсифицировать набор трудовых мигрантов. 5 февраля Дьёндёши обратился к представителям четырех великих держав с официальной нотой, в которой он описывал бедственное положение словацких мадьяр, просил о помощи и даже указывал на угрозу мирной жизни в Центральной Европе. Ожидаемой реакции на эти послания не поступило [28, s. 74—76].

Великие державы, и в первую очередь СССР, оказались вовлечены в сложный и противоречивый конфликт между Венгрией и Чехословакией, проистекавший из столкновения их послевоенных концепций по национальному вопросу. Венгерская базировалась на пропаганде идеи сосуществования разных национальностей в рамках одного государства и отказе от переселения по этническому признаку. Чехословацкая настаивала на трансфере и обмене, в том числе и насильственном, неславянского населения, а также фетишизировала национальное государство, основанное на принадлежности к славянству [29, с. 296].

В ходе доработки проекта мирного договора с Венгрией ЧСР внесла ряд поправок в его проект. Одна из них (поправка 5 к ст. 4) касалась выселения венгров из Словакии. Замечание венгерской делегации к поправке содержало ряд экономических и демографических аргументов, доказывавших невозможность разместить выселяемых в Венгрии [21, л. 54, 55]. Эта

дискуссия послужила одним из поводов для углубления провозглашенной в ЧСР политики «ресловакизации» чехословацких венгров. Однако ее попытка включить пункт в текст мирного договора с Венгрией была отвергнута. Советской делегации пришлось в этом согласиться с позицией своих западных недавних союзников [30, с. 268, 269].

Корпус уполномоченных Словакии разработал инструкцию о принципах ресловакизации от 14 мая 1946 г., которая предназначалась для всех властных региональных структур [25, dok. č. 28, s. 655—659]. Однако основным документом по реализации политики ресловакизации было постановление МВД ЧСР от 17 июня 1946 г. В нем методом исключения определялось, кого не следует считать представителями венгерской национальности. Это были, во-первых, лица, которые обозначили себя по переписи 1930 г. словаками, чехами или другими славянами. Во-вторых, лица, которые в настоящий момент приписывали себя к венграм, на самом деле являясь словаками, чехами, либо даже имели мадьярское происхождение. При этом в последнем случае не несли вины перед Чехословакией, не были функционерами венгерских фашистских организаций, не способствовали политике мадьяризации [31, s. 85]. Этим постановлением открывался первый этап ресловакизации, продлившийся до октября 1947 г. и отличавшийся административным нажимом и массовым характером [27, s. 407—418].

Центральная комиссия по ресловакизации была создана 21 июня 1946 г. под председательством функционера Демократической партии, депутата СНС А. Грантиера. Однако МВД не утвердил ее состав, что отразило внутреннюю борьбу различных концепций данной акции. Новый состав комиссии во главе с М. Хубой (Грантиер остался ее членом) провел первое заседание 1 июля. Вскоре стало ясно, что число заявителей оказалось неожиданно большим. Угроза потери имущества при переселении вынуждала очевидных словацких мадьяр к ресловакизации [31, s. 85, 86]. Кроме того, к этническому индикатору в Словакии начал применяться и конфессиональный подход. Так, представитель кальвинистской церкви Андрей Матяшик выразил протест по поводу использования принципа «кто кальвинист — тот венгр», по которому кальвинистам отказывали в возможности ресловакизироваться [31, s. 90, 91].

Венгерское правительство Ф. Надя упорно продолжало почти безнадежные попытки отстаивать свои интересы и надеялось хотя бы несколько смягчить жесткие положения проекта мирного договора. В этих целях оно распространило свой меморандум от 9 ноября 1946 г. Документ начинался с пронзительной фразы: на ПМК Венгрия «с горечью узнала», что, несмотря на заверения в V разделе Крымской декларации и успехи страны в демократической и экономической сферах, рекомендации мирной конференции «в действительности увеличили суровость проекта договора, составленного СМИД (имелась в виду его II сессия. — А. С.)». Поэтому в условиях разработки окончательного текста договора Венгрия изложила ряд просьб. Во-первых, она просила отвергнуть решение ПМК о передаче ЧСР трех венгерских поселений с целью расширить Братиславский плацдарм, так как «это изменение не оправдывается ни с практической точки зрения, ни с точки зрения принципа». Во-вторых, утверждала, что до тех пор, пока проблема венгерского населения в Чехословакии не будет урегулирована «путем ли обмена территорией или каким-либо другим путем», ему должны быть предоставлены права человека, провозглашенные в Уставе ООН [32, л. 130].

13 ноября А. А. Лаврищев составил для В. М. Молотова замечания в связи с венгерским меморандумом. По первому пункту он сослался на единогласное решение о передаче трех сел, принятое и в Комиссии по Венгрии, и на пленарном заседании ПМК, и сделал вывод: «нет оснований для пересмотра в СМИД этого вопроса». По второму пункту о положении венгерского меньшинства в ЧСР он упомянул о заявлениях американского, английского и французского представителей об их удовлетворенности решением этого вопроса. Вывод Лаврищева: «СМИД не следует возвращаться к рассмотрению» данной проблемы [32, л. 17, 18]. Последняя попытка Будапешта повлиять на содержание мирного договора и добиться от великих держав адекватного понимания своих интересов закончилась безрезультатно.

10, 17 и 24 января 1947 г. венгерское правительство обсуждало полученный из Парижа текст мирного договора. По итогам обсуждения было принято решение не поднимать в связи с текстом договора проблему положения венгров в Чехословакии [5, s. 308, 309].

10 февраля 1947 г. двенадцатью государствами, в том числе и БССР, был подписан мирный договор с Венгрией, жесткий и суровый по своему содержанию. В нем ставился вопрос о национальных меньшинствах, в том числе и венгерском, но решение вопроса возлагалось на страну проживания меньшинства [22, s. 67]. Я. Масарик, подписавший договор за ЧСР (вместе с В. Клементисом), по-прежнему считал, что выселение венгров — «единственно возможное решение этой крайне неудобной проблемы». Будапешту при этом не удалось добиться международных гарантий прав венгерского национального меньшинства в ЧСР и Румынии, запрет же на венгерскую ревизионистскую пропаганду был наложен [24, s. 212, 213].

В ст. 1 части I мирного договора решения Венского арбитража от 2 ноября 1938 г. объявлялись «несуществующими», а линия венгерско-чехословацкой границы восстанавливалась по состоянию на 1 января 1938 г., за исключением изменений, связанных с расширением Братиславского предместья. Статья 5 части II мирного договора предписывала Венгрии вступить в переговоры с ЧСР «с целью разрешения вопроса о тех жителях мадьярского этнического происхождения, проживающих в Чехословакии, которые не будут поселены в Венгрии» в соответствии с соглашением 1946 г. об обмене населением. В случае неуспеха указанных переговоров по истечении шестимесячного срока после вступления мирного договора в силу ЧСР получала право поставить данный вопрос перед СМИД в расчете на его содействие [33, док. 514, с. 55—58]. Международно-правовая нерешенность проблемы словацких мадьяр не компенсировалась декларативным признанием гражданских свобод в Уставе ООН.

Будапешт, с нарастающей тревогой взиравший на постоянно ухудшающееся положение венгров в ЧСР, вынужден был направить меморандум по данной проблеме представителям СССР, США, Великобритании и Франции в Венгрии. В связи с этим 14 февраля 1947 г. состоялась встреча Д. Секфью с заместителем министра иностранных дел СССР В. Г. Деканозовым, где обсуждались обстоятельства продолжавшейся депортации словацких венгров. Венгерский посланник изложил содержание меморандума, особое внимание в котором было уделено проведению массового насильственного переселения венгров из Словакии в Судеты на освободившееся место высланных оттуда в Германию судетских немцев. Это, по убеждению Секфью, делалось вопреки венгеро-чехословацкому соглашению об обмене населением от 27 февраля 1946 г., которое предусматривало паритетные принципы и двусторонний формат урегулирования вместо тотального переселения [4, 39. dok. 138—142. old.].

Советская запись беседы по дневнику Деканозова содержала его отсылку к ст. 5 мирного договора с Венгрией о двусторонних переговорах и совет о том, что «лучше будет Венгрии и Чехословакии договориться между собой». Эта запись зафиксировала и резкие, но обоснованные оценки Секфью: Прага оттягивает переговоры, чтобы «тем временем распылить венгерское меньшинство внутри Чехословакии и ассимилировать венгров»; власти Праги сделали из соглашения об обмене «нечто вроде лабиринта для того, чтобы запутать венгров и проводить свою политику ликвидации венгерского нацменьшинства»; чехословацкое правительство подобно двуликому Янусу, так как Я. Масарик «говорит “разумно и справедливо”, а другие министры делают обратное, притесняя венгров». Деканозов уклонился от дискуссии, не желая делать выводы до глубокого изучения меморандума [34, док. 147, с. 410, 411].

В Праге появились первые попытки комплексного осмысления своей политики по отношению к венграм. В. Клементис на основе сообщений Д. Окали составил внушительную справку из семи разделов от 24 февраля 1947 г., пытаясь оценить и сопоставить два потока венгерской миграции в ЧСР — депортируемых по трудовой мобилизации в западно-чешские районы и переселяемых по обмену в Венгрию. Анализ, конечно, носил не гуманитарный, а хозяйственный и логистический характер [25, dok. č. 24, s. 638—642].

В сложной палитре чехословацко-венгерского конфликта на его завершающем этапе было очевидно, что обе стороны имели «свою правду». Чехословакия подозревала Венгрию в том, что она хочет оставить венгров на юге Словакии, «имея в виду использовать их как предлог для ревизии в будущем венгерско-чехословацкой границы». Поэтому, опираясь на декрет президента о трудовой повинности, официальные власти Праги и Братиславы в течение 1946—1947 гг. принудительно переселили в трудовые поселения в северо-западные районы Чехии около 50 тыс. венгров. Будапешт указывал на репрессивные методы и двойственную позицию Праги, которая имела поддержку Москвы [34, прим. 3 к док. 147, с. 412].

Политическое руководство Венгрии, особенно Ф. Надь и Я. Дьёндьёши, также много раз делали попытки привлечь внимание представителей СМВД к продолжавшемуся в ЧСР ущемлению прав венгерского меньшинства и ухудшению его положения. Однако все эти старания не привели к должным результатам.

Венгерско-чехословацкие противоречия в условиях взаимных надежд на советское участие в их урегулировании и трансформации позиции СССР (март 1947 г. — октябрь 1948 г.). С подписанием мирного договора в развитии конфликта наступила новая фаза. Прага осмысливала позитивные для себя результаты правового урегулирования и вырабатывала дальнейшие методы избавления от венгерского меньшинства. Будапешт же с марта 1947 г. предпринял самый энергичный нажим на Москву, добиваясь помощи СССР в решении фактически отложенной проблемы словацких мадьяр. Генеральный секретарь ЦК Венгерской КП Матьяш Ракоши в контактах с советскими властями настойчиво проводил идею о том, что чехословацкие коммунисты своей политикой преследования венгров в Словакии наносят урон и без того немолочным политическим позициям венгерских коммунистов в стране [35, с. 549].

Имели место и двусторонние контакты функционеров ВКП и КПЧ. 22 марта 1947 г. в Будапеште прошла неофициальная встреча М. Ракоши и председателя чехословацкой переселенческой комиссии в Будапеште Д. Окали, о чем тот информировал В. Клементиса. Несмотря на разный уровень участников, руководитель венгерских коммунистов высказывался доверительно. Он считал, что правые венгерские партии не заинтересованы в выполнении договора об обмене населением и «предпочли бы одностороннее решение венгерского вопроса в Чехословакии» в надежде получить повод для обращения в СМВД. Ракоши говорил о недопустимости перехвата венгерскими и чешскими социалистами инициативы в деле решения компартиями двух стран проблемы словацких мадьяр. Он чутко уловил первые признаки перемен в позиции Москвы. Окали сообщал, что для Ракоши «на самом деле важно договориться (с чехословацкими коммунистами. — А. С.), тем более что в таком же направлении было осуществлено вмешательство с русской стороны» [25, док. № 27, с. 654, 655].

5 апреля 1947 г. М. Ракоши направил письмо секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецову. В нем отмечалось, что в сфере международных отношений «наши чехословацкие товарищи ухудшают наши дела. Даже если бы они действовали по поручению американских империалистов, то они не смогли бы доставить нам больше проблем, чем в настоящее время. Они зашли в преследованиях венгерского меньшинства так далеко, что даже в кругах венгерских коммунистов это вызвало недовольство. В Словакии все местное управление держит в руках переименованная в Демократическую партию Гвардия Глинки...» [36, 159—160. old.].

В беседе М. Ракоши с В. М. Молотовым 29 апреля 1947 г. о политической ситуации в Венгрии большое место было уделено и проблеме словацких мадьяр. Ракоши заявил: «Вообще отношения с чехословаками у нас очень плохие... Дело зашло в тупик. Контакт с компартией Чехословакии у нас сейчас нет». В числе причин он назвал тотальное преследование в Словакии всех этнических венгров, в том числе и коммунистов. Это приводило к абсурдным эксцессам. Так, католическая церковь имела возможность издавать в Словакии молитвенники на венгерском языке, а коммунистические газеты словацких венгров печатать было запрещено. Ракоши сделал хлесткий вывод: «Мы смотрим на наших чехословацких товари-

шей как на сумасшедших» и просил у Молотова содействия в урегулировании отношений с ЧСР. Тот вначале попытался сузить проблему до вопроса о переселении, но сорвался в не свойственные для него эмоции: «А я, признаться, сам хочу вам пожаловаться на чехов». Фраза касалась усилий Молотова в деле подготовки польско-чехословацкого соглашения, затрудненного территориальным конфликтом в Тешенской Силезии. Он заключил, что «пока с Чехословакией говорить трудно, может быть, это явление временное, но пока чехи очень неподатливы» [10, док. 209, с. 618, 619]. Итак, Ракоши в апреле 1947 г. в Москве ничего не добился от Молотова, как и Я. Дёндёши в августе 1946 г. в Париже. Содержание этой беседы дает основания предполагать, что в СССР уже начал вызревать крутой поворот в оценке чехословацко-венгерского конфликта и уход от безоговорочной поддержки Праги.

И В. М. Молотов, и М. Ракоши прожили очень богатую политическую жизнь, полную взлетов и падений. Они не раз встречались, но приведенная выше беседа была в числе наиболее доверительных. Спустя тридцать лет Молотов в частной беседе обронил показательную характеристику: «Ракоши был хороший... но тоже имел недостатки: изображал из себя Сталина в Венгрии. Чересчур. Чересчур» [37, с. 113].

Мирный договор с Венгрией вступил в силу 15 сентября 1947 г. после его ратификации Великобританией и США [24, s. 213]. Это произошло уже при следующем венгерском кабинете Лайоша Диньеша (май — сентябрь 1947 г.) и министре иностранных дел Эрнё Михайфи. Данный рубеж открывал счет шести месяцам, упомянутым в ст. 5 договора. Вслед за этим в ЧСР прошел второй этап ресловакизации (3 октября 1947 г. — 1 января 1948 г.), который не отличался новыми подходами к процессу, а носил завершающий характер и был рассчитан на сомневающих и тех, кто еще не определил свою позицию [27, s. 443—445].

Борьбу за эвентуальную поддержку Советского Союза и стремление довести до его сведения свою позицию как наиболее объективную и адекватную продолжила и Чехословакия. Ее посол в Москве Йиржи Горак передал 22 октября 1947 г. В. М. Молотову памятную записку о ходе выполнения договора об обмене населением, которая была разослана всему советскому руководству. В документе содержалось обвинение Венгрии в нарушении «с самого начала» этого договора. Собственная же позиция рисовалась в розовых красках. Утверждалось, что с чехословацкой стороны «была проявлена безграничная и часто даже доходящая до границ возможности терпеливость». Несговорчивостью Будапешта объяснялось решение Праги представить свои предложения на мирную конференцию [34, док. 179, с. 505, 506].

В феврале 1948 г. для подписания договора о дружбе и сотрудничестве в Москву прибыла венгерская делегация. На приеме у И. В. Сталина 17 февраля состоялась его беседа с президентом Венгрии Золтаном Тилди, идеологически разделявшим платформу Партии мелких крестьянских хозяев. Беседа с участием премьера Л. Диньеша и нового министра иностранных дел (с сентября 1947 г. по август 1948 г.) Эрика Молнара проходила в сдержанной тональности, но когда речь зашла о венгерско-чехословацких отношениях, Тилди дважды, буквально через фразу, заявил о горячем желании установить хорошие отношения с ЧСР и просил Сталина «посодействовать этому», что ему было дважды и обещано [10, док. 258, с. 758].

Политика гонений на словацких мадяров в Чехословакии становилась достоянием общественности в странах советского блока и обсуждалась не только на партийно-правительственном уровне, но и в формате общественных организаций. На III пленуме Общеславянского комитета (Прага, 23 февраля — 9 марта 1948 г.) проблема была поднята представителями ряда делегаций и стала предметом их беседы с руководителями КПЧ. Последние доказывали правомочность такой политики, апеллировали к настроениям словацких народных масс, оправдывали классовым подходом массовые выселения венгров [10, док. 270, с. 809].

Начавшаяся эволюция советских подходов к проблеме венгерского меньшинства в ЧСР и постепенное осознание реалий самим чехословацким руководством стали приносить первые плоды. Заместитель председателя правительства ЧСР Зденек Фирлингер в ходе визита в

Будапешт заявил 15 марта 1948 г., что венгерский народ не ответственен за угнетение словацкого народа в прошлом и преступления режима Хорти во время войны. Председатель КПЧ Клемент Готвальд 9 июня высказался, что венграм в ЧСР нужно дать некоторые политические права, исключая собственную партию и особый национальный статус [38, s. 113].

10 июня 1948 г., в короткий период президентского междувластия в Чехословакии, министр иностранных дел (с 18 марта 1948 г. по 14 марта 1950 г.) Владимир Клементис на встрече с советским послом в Праге М. А. Силиным сообщил, что с избранием нового президента (после отставки 7 июня Э. Бенеша президентом 14 июня 1948 г. был избран К. Готвальд) состоится пересмотр политики по отношению к словацким мадьярам. Власти будут исходить из того факта, что «венгров невозможно не только просто выселить в Венгрию, но невозможно даже произвести полный обмен населением с Венгрией». Поэтому в обеих странах взаимно сохраняются национальные меньшинства. Однако в отличие от межвоенной Чехословакии в нынешней ЧСР за ними не будет признан официальный статус. Тем самым венгерский вопрос будет решен Прагой «самостоятельно, без переговоров с Венгрией. Ни на какие переговоры с Венгрией чехословаки не пойдут» [34, прим. 1 к док. 213, с. 621].

Сразу после избрания К. Готвальда В. М. Молотов принял посла Чехословакии Б. Лаштовичку и имел с ним беседу о чехословацко-венгерских отношениях. Посол сообщил, что в скором времени словацкие мадьяры будут уравнены в правах. Он передал оценку Готвальда: «вопрос о венграх в Чехословакии — внутривластный вопрос», а также заявление нового премьер-министра А. Запотоцкого о приоритетности проблемы для правительства [34, док. 213, с. 620]. 19 июля 1948 г. президиум КПЧ разрешил словацким венграм создать общественную организацию «Культурный союз венгерских трудящихся в Чехословакии» [38, s. 113].

На протяжении 1948 г. венгерско-словацкие миграционные и этно-идентификационные процессы (ресловакизация, внутренняя депортация, обмен населением, внутренняя колонизация) приобрели наибольшие масштабы и получили свое логическое завершение. Это позволяет говорить об их конечных итогах и результатах.

В ходе двух этапов чехословацкой политики ресловакизации, по сведениям авторитетного исследователя проблемы словацкого историка венгерского происхождения Каталин Вадкерти, было подано 120,6 тыс. семейных заявлений, в которые были вписаны 435,3 тыс. человек. Просьба о признании словацкой национальности была удовлетворена для 282,0 тыс. словацких мадьяр, обратившихся в комиссии по ресловакизации (64,8 %), что сократило долю венгров в национальной структуре населения [27, s. 446, 447]. Венгерский исследователь Арпад Попель приводит свою статистику — 410,8 тыс. обратившихся с заявлением о ресловакизации, из которых 326,7 тыс. словацких мадьяр были признаны словаками (79,5 %) [39, p. 303, 304]. В официальной «Истории Словакии» Любомир Липтак сообщает, что в атмосфере исторического реванша и в абсолютном противоречии с длительной борьбой словаков за признание их национальной самобытности было ресловакизировано 326,7 тыс. венгров [40, с. 339]. Видный российский хунгарист Б. Й. Желицки ввела в научный оборот самую масштабную статистику — от 327 до 400 тыс. ресловакизированных мадьяр [41, с. 292].

Однако и после официального завершения в ЧСР кампании ресловакизации ситуация с положением словацких мадьяр с позиции Венгрии выглядела достаточно неопределенной. Советское посольство в Праге весной 1948 г. информировало центр о том, что Будапешт находится на распутье: «или согласиться с предложением словаков и передать в словацкое гражданство 250 тыс. из числа венгров, имевших словацкое происхождение, а остальных забрать, или согласиться на оставление венгерского меньшинства (в Словакии. — А. С.) и заставлять его поддерживать мероприятия коммунистического правительства» [35, с. 550].

Внутренняя депортация словацких мадьяр в чешские и моравские районы ЧСР первоначально подавалась как трудовая мобилизация. Так, в июле — августе 1946 г. планировалось направить туда 40—50 тыс. мадьяр, однако добровольно поехали лишь около 2 тыс. человек.

Поэтому с 19 ноября 1946 г. началась организация принудительных работ, носившая характер депортации с планом привлечения 30—40 тыс. мадьяр [31, s. 96, 97]. Акция проводилась до февраля 1948 г. Было выселено 11,6 тыс. семей, что составило 43,6 тыс. человек, из которых 41,6 тыс. (95,6 %) были депортированы принудительно (правда, в течение последующих полутора лет 4,6 тыс. семей организованным транспортом вернулись в Южную Словакию) [27, s. 75, 76, 131]. Будапешт всеми средствами пытался защитить права и интересы своих соотечественников, начав с 1947 г. распространять «Синюю книгу» о внутренней депортации словацких венгров под видом трудовой мобилизации [28, s. 75]. Прага и дальше продолжала расселение компактно проживавшего в Южной Словакии венгерского меньшинства, но национальный аспект стал умело подменяться социально-классовыми лозунгами.

Обмен населением между ЧСР и Венгрией на основе соглашения от 27 февраля 1946 г. продолжался в своей активной фазе до декабря 1948 г. (официально закончился 21 июня 1949 г.) и дал следующие результаты. Из 92,4 тыс. словаков из Венгрии, заявивших о намерении переехать в ЧСР, реально переселились 73,3 тыс. человек (79,3 %). Что касается чехословацкой стороны, то ее власти «выбрали» для переселения 105,1 тыс. словацких мадьяр. Кроме того, на основании § 8 планировалось дополнительно выселить еще 65,2 тыс. человек. Тем не менее из этих 170,3 тыс. запланированных к выселению словацких мадьяр, по официальной статистике, переселилось в Венгрию лишь 68,4 тыс. человек. Однако к ним следует добавить еще 21,3 тыс. ушедших самостоятельно и поэтому не учтенных в официальных транспортах. Таким образом, по мнению К. Вадкерти, правильно говорить о 89,7 тыс. словацких мадьяр, от которых теми или иными способами избавилась Чехословакия [27, s. 363, 364]. А. Попель приводит схожие цифры переселенцев — 71,8 тыс. словаков из Венгрии и 89,7 тыс. словацких мадьяр [39, p. 302, 303]. Л. Липтак говорит о равных пропорциях обмена населением — 73,0 тыс. венгерских словаков и 74,0 тыс. словацких мадьяр [40, с. 339].

Освобождавшиеся венгерские районы Словакии подлежали внутренней колонизации. Подсчет «внутренних колонистов» вызвал затруднения, так как кроме возвращавшихся колонистов межвоенного периода большую группу переселенцев составили чешские и словацкие партизаны (более 1,6 тыс. партизанских семей). Для внутренней колонизации привлекались также чехи и словаки, переселявшиеся из Венгрии, Польши, Югославии, Румынии, Болгарии и отошедшей к СССР Подкарпатской Руси. Известна неполная цифра репатриированных в Словакию 5,8 тыс. семей [27, s. 196, 215]. Освободились и районы проживания немцев в Словакии (большинство из них эвакуировались еще перед приходом фронта, а оставшиеся 32,4 тыс. человек были к октябрю 1946 г. вывезены в Германию) [40, с. 339]. Данные районы также подлежали внутренней колонизации.

Нормативным, хотя и формальным завершением миграционных и этно-идентификационных процессов в ЧСР и Венгрии стало принятое чехословацким правительством 25 октября 1948 г. решение о восстановлении всех прав венгерского населения [42, s. 160]. Чехословацко-венгерское соглашение 31 декабря 1948 г. зафиксировало завершение в целом обмена населением и гарантировало права переселенцев в обеих странах [38, s. 113, 114]. Это повлекло смену ориентиров во всей внешней политике Праги. Если в предшествующий длительный период венгерский вектор был важнейшим, то с конца 1948 г. он стал второстепенным — и ЧСР, и Венгрия оказались включенными в советскую зону влияния. Москва получила возможность ликвидировать любую полемику о границах и меньшинствах между своими сателлитами. Для Чехословакии СССР стал гарантом ее границ с Венгрией, что было оформлено венгерско-чехословацким союзническим договором 16 апреля 1949 г. [43, с. 390].

Венгерско-чехословацкий конфликт в формате международного коммунистического движения и межпартийных отношений. Отношения между Чехословакией и Венгрией, осложненные конфликтом в Южной Словакии, были достаточно подробно рассмотрены на учредительном Первом совещании Коминформа в Шклярской Порембе (Польша), состоявшемся

22—28 сентября 1947 г. Первоначально лидеры компартий выступили на совещании с информационными докладами о деятельности своих партий. Генеральный секретарь КП ЧСР Рудольф Сланский (Зальцман) прямо не коснулся конфликта, упомянув лишь обстоятельства, косвенно с ним связанные. Он назвал важнейшим достижением, «делом исторического значения» выселение немцев из страны. Кроме того, подчеркнул, что словаки в ЧСР «признаны самобытной нацией». И хотя по соглашению 1946 г. компетенция словацких органов власти была ограничена, на практике это соглашение не выполняется. Поэтому «фактически пражское правительство не распространяет свою власть на территорию Словакии» [44, протокол Первого совещания Коминформа, с. 107, 108]. Поскольку в реальной практике политика по отношению к венгерскому меньшинству мало чем отличалось от политики по отношению к судетским немцам, осуществлявшееся вытеснение из страны венгров тоже получало окраску важнейшей задачи. При этом значительная часть реализации административно-репрессивных мер и ответственности за них перекладывалась на словацкие региональные власти.

Член политбюро и секретарь ЦК Венгерской КП Йожеф Реваи в своем докладе, напротив, уделил должное внимание проблеме союза со «славянскими соседними народами» и отказа от «велико-венгерского шовинизма». Он прямо указал, что «один только момент осложняет этот союз Венгрии с соседними народами и является “водой на мельницу” реакционного венгерского шовинизма — положение венгров в Словакии», которые лишены там всех гражданских прав, школ, печати. В несокращенном варианте протокола содержались еще более откровенные положения — в период Парижской мирной конференции и подготовки мирного договора даже в демократических кругах была принята точка зрения «этнографических границ» Венгрии, что означало возвращение всех территорий, на которых живут венгры; национальный вопрос должен быть «подчинен вопросам демократического прогресса» внутри советского блока, поэтому проблемы укрепления югославской и румынской демократии «более важны, чем венгерские границы»; Венгрия намерена заключить договоры о дружбе со своими соседями, но «по тактическим соображениям» Чехословакия — «после устранения всех препятствий» — стояла на последнем месте в перечне этих стран [44, протокол Первого совещания Коминформа, с. 149, 150; прим. 196, 198, с. 287, 288].

После доклада А. А. Жданова «О международном положении» прошли выступления в прениях, в которых чехословацкий и венгерский представители гораздо подробнее и полемичнее остановились на венгеро-словацком конфликте. Р. Сланский попытался оправдать жесткое отношение к венграм в ЧСР ссылками на историю. Он утверждал, что словаки «относительно маленький народ по сравнению с венграми», который почти тысячу лет находился под венгерским господством и пережил мадьяризацию в таких формах, «какие мало знает история». Обвинял венгров в том, что они «привели словацкую нацию на край гибели и вытеснили словацкий народ в горы, сделали из него народ горцев и пастухов». Само существование венгерского меньшинства якобы мотивировало решения Первого Венского арбитража 1938 г. Поэтому ненависть в Словакии к венграм, «как к захватчикам, еще велика и до сих пор», в лице венгров словацкий народ видит «постоянную опасность ревизионизма и угрозу для существования своей нации» [44, протокол Первого совещания Коминформа, с. 190].

Выступление Й. Реваи было целиком посвящено проблеме венгерского меньшинства в ЧСР. Он поставил под сомнение точку зрения о том, что словацкие венгры и судетские немцы были главными виновниками раскола Чехословакии в 1938 г., а также указал на ошибку послевоенных чехословацких властей, полагавших, что «раздувание ненависти к венграм может служить общей платформой сотрудничества» всех политических сил от коммунистов до словацких националистов. Говоря о положении в Словакии, Реваи сделал хлесткий вывод: «соревнование между коммунистами и националистами по национализму может быть выигранным только националистами». Интересным был его довод о неправильном понимании чехословацкими коммунистами идеи славянской солидарности, которая «не озна-

чает этнографической солидарности» и не должна исключать из союза славянских народов другие демократические народы только потому, что они не являются славянскими [34, док. 176, с. 493—495]. Ответом послужило выступление генерального секретаря КП Словакии Штефана Баштёванского. Ссылаясь на ст. 5 мирного договора с Венгрией, он прямо обвинил Й. Ревай в противодействии договору и начале его ревизии, причем именно в момент обострения ситуации в Словакии [44, протокол Первого совещания Коминформа, с. 224].

Перепадка, возникшая между руководителями чехословацкой и венгерской делегаций, для советской стороны была вполне ожидаемой. Еще накануне совещания в Отделе внешней политики (ОВП) ЦК ВКП (б) была подготовлена записка «О современном экономическом и политическом положении Чехословакии», носившая сугубо внутренний характер. В ней вполне адекватно отмечалось, что, создавая однородное по национальному составу население страны, «компартия, однако, применяет неправильные методы по отношению к венгерскому меньшинству, что привело к нездоровым отношениям с венгерской компартией...» В выводах констатировалось, что в результате внутривластной борьбы «Словакия стала самым слабым политическим и экономическим пунктом в республике (в ЧСР. — А. С.), обстановку в Словакии является серьезной и опасной» [34, док. 177 и примеч. 1, с. 499, 503].

По ходу работы Первого совещания Коминформа А. А. Жданов (под псевдонимом «Сергеев») и Г. М. Маленков («Борисов») направляли И. В. Сталину («Филиппову») регулярные отчеты. В двух сообщениях от 24 сентября 1947 г. говорилось о сепаратистском движении в Словакии, где саботируются указания Праги, притом что аппарат региональной власти «засорен фашистами, в частности бандеровцами». Трудности же усугублялись ошибками в национальном вопросе. Положительно оценивая доклад Ревай, советские руководители формулировали рекомендацию «не допустить, чтобы Венгрия стала англосаксонским клином на Балканах», и считали перспективы союза венгров со славянскими народами хорошими, «за исключением трудностей, связанных с бесправным положением венгерского меньшинства в Чехословакии» [44, протокол Первого совещания Коминформа, прил. В, док. 4, 5, с. 319, 324].

Упомянутые «трудности», которые отнюдь не шли на убыль, вновь всплыли в беседе М. А. Суслова с М. Ракоши в Москве 19 февраля 1948 г. Последний поставил вопрос о необходимости созыва Второго совещания Коминформа, предложив в повестку вопросы пунктов, в том числе и необходимость «отрегулировать венгеро-чехословацкие отношения, т. к. до сих пор нам не удалось достигнуть желаемых результатов». Данный пункт Ракоши обосновал более подробно, подвергнув критике «неправильную и вредную» для обеих стран «политику Чешской и Словацкой компартий, проводимую по отношению к венгерскому населению в Словакии». Суслов фактически отклонил это предложение (в том числе и по причине нараставшего политического кризиса в ЧСР) и высказался в пользу двусторонней договоренности «без всякого вмешательства извне». Ракоши, хорошо уяснивший за три года советскую уклончивость по данной проблеме, оставил за собой последнее слово: «...вряд ли это будет возможно при условии, если чехи не изменят своей позиции» [10, док. 259, с. 761—763].

Вместе с тем получаемая из Будапешта по разным каналам информация о продолжающемся давлении на словацких мадьяр в ЧСР не оставалась без внимания секретаря и заведующего ОВП ЦК ВКП (б) М. А. Суслова, курировавшего международное коммунистическое движение. Когда весной 1948 г. под его руководством развернулась подготовка секретных аналитических записок с развернутой критикой руководства компартий четырех стран советской сферы влияния — Югославии, Польши, Чехословакии и Венгрии, то материалы о словацко-венгерском конфликте оказались весьма востребованными [35, с. 552].

При этом венгерская сторона отнюдь не выглядела пострадавшей и не получала никакой перестраховки. Для Суслова была подготовлена справка ОВП «О националистических ошибках руководства Венгерской коммунистической партии и буржуазном влиянии в венгерской коммунистической печати» от 24 марта 1948 г. с, прямо скажем, весьма слабой доказательной

базой. В ней не упоминались обстоятельства конфликта, зато выдвигалось обвинение: «Печать компартии совершенно не занимается пропагандой Советского Союза... как бы отгораживается от него». Из чего без достаточных оснований выводилось, что у ВКП «несомненно, имеются националистические ошибки» [10, док. 269, с. 804—806].

5 апреля 1948 г. ОВП направил своему руководителю огромную по объему справку «О некоторых ошибках Коммунистической партии Чехословакии» в пяти разделах. Один из них — «Ошибки КПЧ по национальному вопросу» — содержал разбор политики «в отношении неславянских меньшинств в Чехословакии» со времен Кошицкой программы. Особо указывалось: «организованно проводилась открытая антинемецкая и антивенгерская кампания», что неизбежно подогревало «националистические и крайне шовинистические настроения в значительной массе народов Чехословакии». Реализовывалась «официальная программа дискриминации венгров», изложенная еще в феврале 1946 г. В. Клементисом. В разделе жестко констатировалось, что руководство КПЧ, допустив серьезные ошибки в своих «установках и действиях по национальному вопросу», мирясь с националистическими извращениями и перегибами, оказалось втянутым в эту кампанию, «остро папахивавшую шовинистическим угаром». Несмотря на то что произошли «серьезные изменения» в политическом развитии Чехословакии, а также «радикально изменилось» положение дел в Венгрии, «позиция компартии Чехословакии (а также и компартии Словакии) в вопросах о положении венгров в республике фактически не изменилась (подчеркнуто в документе. — А. С.). До самого последнего времени... оставалась в силе установка на лишение венгров, еще находящихся в стране, основных демократических свобод, т. е., по существу, реализовывалась официальная программа дискриминации венгров...». При этом в Праге недооценивали «важности и сложности словацкого вопроса» [10, док. 274, с. 847, 849, 850, 852].

Данная справка не была напрямую использована Москвой как обвинительный документ против КПЧ, а сделанные в ней выводы не стали предметом публичного обсуждения в Коминформе. Однако они в полной мере отразили эволюцию советских подходов к решению национально-территориального конфликта в Южной Словакии. Если его территориальная составляющая всегда оставалась неизменной, то позиция Москвы касательно положения и судьбы венгерского меньшинства в Словакии на протяжении коротких четырех лет изменилась кардинально — от безусловной поддержки репрессивных мер Праги и изгнания словацких мадяр до квалификации тех же действий как шовинистических и дискриминационных. Проблема словацких мадяр и способы ее урегулирования были для советского руководства лишь инструментарием в решении глобальной задачи укрепления коммунистической власти в ЧСР и Венгрии, а также консолидации Восточного блока.

В связи с готовившимся слиянием ВКП и Социал-демократической партии в Венгерскую партию трудящихся (ВПТ) (объединительный съезд состоялся 12—14 июня 1948 г.) был разработан проект программной декларации новой партии. В аппарате ЦК ВКП (б) документ подвергся придирчивому изучению, и записка с замечаниями к проекту была 1 июня направлена М. А. Суслову. Отдельным пунктом замечаний значился сюжет о политике дружбы Венгрии с «другими странами новой демократии», притом что в их числе не упоминалась Чехословакия. Касательно нее была сделана оговорка, в которой сотрудничество и дружба с Чехословакией ставились в зависимость от решения вопроса о положении словацких венгров [10, док. 287, с. 887]. Советские идеологические цензоры, разумеется, осудили подобный подход, поставив его в вину венгерским коммунистам. Случай был очень показательным, демонстрирующим всю глубину разлада между двумя компартиями.

Подготовка Второго совещания Коминформа проводилась в условиях глубокого советско-югославского конфликта. Поэтому она была отмечена стремлением Москвы декорировать осуждение руководства КП Югославии предсказуемой позицией лидеров компартий, входивших в этот координационно-идеологический центр. Буквально накануне открытия

совещания, проходившего 19—23 июня 1948 г. в Бухаресте (Румыния), ОВП ЦК ВКП (б) разработал объемные справки под названием «Уроки из ошибок компартии Югославии», адресно предназначенные ряду компартий — членов Коминформа.

В справке для Венгерской партии трудящихся эти уроки были каталогизированы по шести разделам, но «вопрос о словацких венграх», на котором «следует особо остановиться», был вынесен за рамки этих нумерованных разделов и составил отдельный заключительный параграф документа. Венгерским коммунистам вменялось в вину следующее. Во-первых, решение вопроса о словацких венграх они «ставят условием для существования общедемократического фронта между Венгрией и Чехословакией». Во-вторых, не учитывая «общей обстановки в Словакии» и больших трудностей «в разрешении словацкой проблемы вообще», они «возводили вопрос о словацких венграх в “абсолют”», требуя его немедленного разрешения», чем проявили узконациональные интересы. В-третьих, венгерские коммунисты, «правильно настаивая» на решении проблемы, исходили «не из общих, а частных интересов», ставили вопрос «не дифференцированно, а о венграх вообще, тогда как известно, что среди них было немало людей, активно сотрудничавших с немецкими фашистами». В тексте справки изложение каждого из этих грехов подкреплялось сентенциями Ленина и Сталина. Общий вывод был неутешительным: проблема до сих пор не урегулирована, отношения «между двумя братскими партиями продолжают оставаться натянутыми» [34, док. 209, с. 597—599].

Справка для компартии Чехословакии явно свидетельствовала о сгуставшихся над ней тучах. Документ был единственным в ряду подобных, чье название носило более императивный характер — «Уроки, которые должно извлечь руководство КПЧ из ошибок руководства ЦК компартии Югославии». Такие тонкости, конечно, не были проявлением случайной вариативности в работе московской коммунистической канцелярии. Кроме того, чехословацкая справка, излагавшая шесть уроков, была самой масштабной, а четвертый урок — по национальному вопросу — составлял почти половину всего объема справки, начинаясь и завершаясь обширными цитатами Сталина. Руководству КПЧ инкриминировались следующие идеологические прегрешения. Во-первых, оно проявило полное единство взглядов с лидерами буржуазных партий «в отношении неславянских меньшинств», исходя из убеждения о необходимости создания Чехословакии как государства двух славянских народов. Это вынудило компартию «идти в национальном вопросе под одним знаменем с буржуазией». Во-вторых, вопреки ряду положений Кошицкой программы лидеры и пресса всех чехословацких партий в вопросе «о выселении немцев и венгров говорили о всех немцах и всех венграх», включая в их число и лояльных граждан. Это породило «сознательно проводившуюся в Чехословакии антивенгерскую и антинемецкую кампанию, в которую оказалась втянутой и компартия». В-третьих, руководство КПЧ неслучайно оказалось в одном лагере с буржуазными партиями, так как «строило свою политику по отношению к национальным меньшинствам, в частности к венгерскому меньшинству, на внеклассовой основе». Как следствие, под прикрытием классового принципа проводилось тотальное выселение меньшинств, т. е. «допускался одинаковый подход как к капиталистическим кулацким элементам венгерского населения, так и к... пролетарским» слоям. В-четвертых, позиция КПЧ в отношении венгерского меньшинства «остается неизменной до настоящего времени». Об этом свидетельствовало содержание редакционной статьи в газете «Руде право» от 28 января; избирательный закон от 16 апреля, лишивший 450 тыс. венгров и около 100 тыс. немцев избирательных прав; новая Конституция 9 мая 1948 г., закрепившая «политику дискриминации по отношению к неславянскому нацменьшинству». Общий вывод был грозным: «...нет сомнения в том, что политика и практика КПЧ в национальном вопросе находится в явном противоречии с ленинско-сталинской национальной политикой» [34, док. 212, с. 613—616].

В ходе заседаний Второго совещания Коминформа, полностью погрузившегося в обстоятельства конфликта между ВКП (б) и КПЮ, проблема положения словацких мадяров в ЧСР

и отношений между чехословацкими и венгерскими коммунистами, так остро разрабатывавшаяся накануне совещания, не поднималась и не затрагивалась. В своих выступлениях и М. Ракоши, и Р. Сланский ограничились лишь ритуальными порицаниями в адрес буржуазного национализма в связи с политикой КПЮ [44, протокол Второго совещания Коминформа, с. 422, 424, 433]. Однако в информационном сообщении И. В. Сталину («Филиппову»), которое 20 июня отправили А. А. Жданов (под псевдонимом «Журавлев»), Г. М. Маленков («Максимов») и М. А. Суслов («Сорокин»), проскользнул интересный факт. Он касался того, что Ракоши предложил приступить к организации подпольной работы в Югославии против ее руководства, опираясь, «в частности, на коммунистов из венгерского меньшинства в Югославии», с использованием средств подпольного радиовещания [44, протокол Второго совещания Коминформа, прил. А, док. 4, с. 486, 487]. Прямые аналогии с чехословацко-венгерским конфликтом, разумеется, неуместны, но именно чего-то подобного в своих антивенгерских фобиях и риторике опасались и в Праге, и в Братиславе.

После совещания председатель КПЧ К. Готвальд начал проявлять беспокойство и по поводу растущей напряженности в отношениях между КПЧ и ВПТ, и по поводу явно меняющейся позиции Москвы. В июле 1948 г. он вызвал председателя КП Словакии Вильяма Широкого и генерального секретаря ЦК КПЧ Рудольфа Сланского и предложил «окончательно разрешить венгерский вопрос». Предполагалось наделить венгров всеми конституционными правами и разрешить им вступать в КПЧ, но не создавать новые партии. Планировалось осуществить «классовый принцип» при распределении льгот в сельской местности с компактным мадьярским населением. Широкий обронил при этом: «Пусть они у себя в деревне переругаются, но не сваливают все на словаков» [10, прим. 3 к док. 297, с. 912].

В Братиславе 24—25 июля 1948 г. прошли переговоры между представителями КПЧ (Рудольф Сланский, Вильям Широкий, член политбюро ЦК Вацлав Копецкий, министр иностранных дел ЧСР Владимир Клементис) и ВПТ (заместитель генерального секретаря ЦК Михали Фаркаш, секретарь ЦК Йозеф Реваи) по вопросу о положении национальных меньшинств. Обе стороны согласились со следующим: предоставить гражданам венграм в Словакии, словакам в Венгрии (за исключением коллаборационистов, «реакционных католических священников», сторонников архиепископа Й. Миндсенти); открыть школы с преподаванием на словацком и венгерском языках; возратить венграм конфискованную землю (до 50 га); возратить на прежнее место жительства в Словакии венгров, выселенных в чешские земли; издавать в Словакии газету на венгерском языке; разрешить венграм вступать в компартию (но только в КПЧ), а также в чехословацкие профсоюзы. Результаты переговоров были рассмотрены и одобрены президиумом ЦК КПЧ [10, док. 297, с. 910, 911].

Выводы. В условиях острого и длительного чехословацко-венгерского конфликта советское партийно-государственное руководство приобрело и умело использовало политически выгодную для себя роль квазиарбитра. Причем задействовало эту роль как в сфере межгосударственных отношений со своими сателлитами, так и в формате руководящей функции ВКП (б) в коммунистическом движении внутри советского блока. Оказывая поддержку то одной, то другой стороне, Москва разыгрывала «национальную карту» как инструмент для возможности влиять на релевантные советским целям идеологические процессы в обеих странах. Цели же Москвы были очевидны — усиление позиций коммунистов в системе власти вплоть до установления их властной монополии в Чехословакии и Венгрии. В отличие от советской позиции, глубоко идеологизированной и во многом формальной, позиция Праги и Будапешта подчас тяготела лишь к розыгрышу «идеологической карты» как инструмента для достижения акцентированно национальных целей и была хотя и пристрастной с обеих сторон, но по-своему убедительной и искренней. Цели Праги и Будапешта тоже были очевидными — отстаивание односторонне интерпретированных государственных интересов любыми средствами, включая максимальную активацию этнических и исторических аргументов

в формате международных форумов и договоров, а также возможную помощь и сочувствие Москвы ради приоритетного для себя решения национально-территориального конфликта. Чехословакии так и не удалось «освободить» себя от венгерского меньшинства. Тем более что для этой категории населения понятия родины, дома, гражданства, страны проживания часто не совпадали. После всех коллизий сегодня венгры составляют около 9,7 % населения Словакии, компактно проживая в южных и восточных районах страны. Венгрии в период формирования Восточного блока был преподан жестокий урок подчинения своих национальных интересов блоковым задачам и советским геополитическим раскладам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Сальков А. П. Проблема границ и национальных меньшинств в чехословацко-венгерских отношениях (ноябрь 1918 — март 1939 г.) // Российские и славянские исследования : науч. сб. Минск : БГУ, 2012. Вып. VII. С. 9—28.
2. Сальков А. П. Словацко-венгерский национально-территориальный конфликт и международные отношения в Карпато-Дунайском регионе (март 1939 — май 1945 г.) // Российские и славянские исследования : сб. науч. тр. Минск : БГУ, 2013. Вып. VIII. С. 68—96.
3. Сальков А. П. СССР и решение проблемы Верхней Венгрии (Южной Словакии) в период подготовки Парижской мирной конференции (май 1945 — июль 1946 г.) // Российские и славянские исследования : сб. науч. тр. Минск : БГУ, 2014. Вып. IX. С. 61—82.
4. Szekfű Gyula követ és moszkvai magyar követség jelentései (1946—1948) / György Lázár, Gecsényi Lajos (szerzéstette). Budapest : Magyar Országos Levéltár, 1998. 210 old.
5. Romsics Ignác. Párizska mierová zmluva z roku 1947. Bratislava : Kalligram, 2008. 360 s.
6. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 432 (Парижская мирная конференция, 1946 г.). Оп. 1. П. 1. Д. 1 — Стенограммы пленарных заседаний. Ч. 1.
7. АВПРФ. Ф. 077 (Референтура по Венгрии). Оп. 26. П. 118. Д. 26 — Дипломатическая переписка, справки, материалы к Проекту мирного договора с Венгрией.
8. АВПРФ. Ф. 432 (Парижская мирная конференция, 1946 г.). Оп. 1. П. 1. Д. 2 — Стенограммы пленарных заседаний. Ч. 2.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 907 (Министерство иностранных дел БССР). Оп. 1. Д. 7 — Выступления представителей Белорусской ССР на заседаниях Подготовительной комиссии ООН, I сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Конференции ООН в Сан-Франциско и Парижской мирной конференции 1946 г.
10. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. : в 2 т. / Г. П. Мурашко (отв. ред.) [и др.]. М. ; Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997—1998. 1997. Т. 1 : 1944—1948 гг. 985 с.
11. АВПРФ. Ф. 06 (Секретариат В. М. Молотова). Оп. 8-б. П. 81. Д. 173 — Замечания к проекту мирного договора с Венгрией, нотная и иная переписка.
12. АВПРФ. Ф. 06. Оп. 8-б. П. 82. Д. 178 — Рабочие материалы Парижской мирной конференции 1946 г. по заключению мирного договора с Венгрией. Ч. 1.
13. АВПРФ. Ф. 06. Оп. 8-б. П. 81. Д. 170 — Рабочие материалы Парижской мирной конференции 1946 г. по заключению мирного договора с Венгрией. Ч. 1.
14. АВПРФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 18. Д. 50 — Комиссия по политическим и территориальным вопросам для Венгрии.
15. АВПРФ. Ф. 06. Оп. 8-б. П. 81. Д. 172 — Материалы для Комиссии по политическим и территориальным вопросам для Венгрии, материалы о чехословацко-венгерских отношениях.
16. АВПРФ. Ф. 06. Оп. 8-б. П. 81. Д. 168 — Предложения и подготовительные материалы к проекту мирного договора с Венгрией.
17. Ижак Лайош. Политическая история Венгрии. 1944—1990. М. : ИРИ РАН, 2006. 320 с.
18. АВПРФ. Ф. 06. Оп. 8-б. П. 82. Д. 179 — Рабочие материалы Парижской мирной конференции 1946 г. по заключению мирного договора с Венгрией. Ч. 2.
19. Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40—50-х годов XX века : очерки истории. М. : РОССПЭН : Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 807 с. (Серия «История сталинизма»).
20. Стыкалин А. С. Кардинал Миндсенти // Вопр. истории. 2013. № 7. С. 38—58.

21. АВПРФ. Ф. 06. Оп. 8-б. П. 81. Д. 174 — Чехословацкие поправки к проекту мирного договора с Венгрией и замечания венгерской делегации. Ч. 2.
22. *Iřmanov Eva*. Maďarsko v fe sovetizace: Mezinrodn a politick aspekty. st nad Labem : Albis international, 2008. 378 s.
23. АВПРФ. Ф. 432. Оп. 1. П. 2. Д. 4 — Справочные материалы, связанные с подготовкой к Парижской мирной конференции 1946 г. Ч. 1.
24. *Dejmek Jindřich*. esoslovensko, jeho soused a velmoci ve XX. stolet (1918 ař 1992). Praha : Centrum pro Ekonomiku a Politiku, 2002. 384 s.
25. Dokumenty // Vadkerty Katalin. Maďarsk otzka v esoslovensku 1945—1948. Trilgia o dejinh maďarskej menřiny. Bratislava : Kalligram, 2002. S. 655—659.
26. АВПРФ. Ф. 138 (Референтура по Чехословакии). Оп. 26. П. 45. Д. 33 — Разработки, замечания и справки референтов и экспертов советской делегации на II сессии СМВД.
27. *Vadkerty Katalin*. Maďarsk otzka v esoslovensku 1945—1948. Trilgia o dejinh maďarskej menřiny. Bratislava : Kalligram, 2002. 863 s.
28. *řutaj řtefan*. Maďarsk menřina na Slovensku v 20. storoi. Bratislava : Kalligram, 2012. 398 s.
29. *Носкова Х*. Венгерское меньшинство в Чехословакии и словацкое — в Венгрии: решение участи // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944—1948 / В. В. Марыина (отв. ред.). М. : Наука, 2004. С. 285—309.
30. *Желицки Б. *. Проблема выселения венгров из Чехословакии // Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944—1948 / В. В. Марыина (отв. ред.). М. : Наука, 2004. С. 211—284.
31. *řutaj řtefan*. Maďarsk menřina na Slovensku v rokoch 1945—1948: (vchodisk a prax politiky k maďarskej menřine na Slovensku. Bratislava : Veda, 1993. 196 s.
32. АВПРФ. Ф. 0431/III. Оп. 3. П. 3. Д. 16 — Материалы советской делегации на III сессии СМВД по мирным договорам с Румынией и Венгрией.
33. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами : в 27 вып. М. : Госполитиздат : Междунар. отношения, 1926—1974. Вып. XIII : Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1947 г. и 31 декабря 1948 г. 1956. 495 с.
34. Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Документы : в 2 т. / Т. В. Волокитина (отв. ред.). М. : РОССПН, 1999—2002. Т. 1: 1944—1948 гг. 1999. 687 с.
35. *Мурашко Г. П*. Судьбы венгерского меньшинства в Словакии после Второй мировой войны. Переселение или словакизация? (Трансформация позиций Москвы) // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века / Е. П. Серапионова (отв. ред.). СПб. : Алетейя, 2011. С. 540—553.
36. *Moszkvnak jelentjk... Titkos dokumentumok, 1944—1948* / Izsk Lajos s Kun Mikls (szerk.). Budapest : Szzadvg, 1994. 292 old.
37. *Чуев Ф*. Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М. : ТЕППА, 1991. 623 с.
38. *Pstor Zoltn*. Slovci a Maďari. Martin : Matica slovenska, 2011. 250 s.
39. Minority Hungarian Communities in the Twentieth Century / Nndor Brdi, Csilla Fedinec, Lszl Szarka (eds). New York : Distributed by Columbia University Press, 2011. 872 p. (Atlantic Studies on Society in Change, № 138).
40. История Словакии / Е. Маннова (отв. ред.). М. : Ин-т славяноведения РАН, 2003. 418 с.
41. *Желицки Б. *. Международная правовая защита и венгерское национальное меньшинство // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение / Е. П. Серапионова (отв. ред.). М. : Ин-т славяноведения РАН, 2014. С. 277—301.
42. *ierna-Lantayov Dagmar*. Podoby esko-slovensko-maďarskho vzahu 1938—1949 (vchodisk, problmy a medzinrodn svislosti). Bratislava : Vydavateľstvo Slovenskej akadmie vied, 1992. 207 s.
43. *Рухлик Ян*. Венгерское меньшинство в Чехословакии 1948—1992 гг. // Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение / Е. П. Серапионова (отв. ред.). М. : Ин-т славяноведения РАН, 2014. С. 390—404.
44. Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы / Г. М. Адибеков (ред.). М. : РОССПН, 1998. 800 с.